

вала Людмила Георгиевна Сокурянская, которая и словом, и делом учила нас быть гражданами своего государства, жить и работать на его благо”.

В-шестых, это мягкий юмор Людмилы Георгиевны и способность пошутить над собой, отсутствие малейших намеков на тщеславие и заносчивость, нередко свойственные именитым и заслуженным. Она одинаково ровно ведет себя и с начальством, и с коллегами, и с авторами неудачных научных опусов, и со студентами, и с обычными попутчиками в электричке, и с титулованными представителями властных структур. Она искренняя и правдива, порядочна и надежна. Она не предаст.

В-седьмых, во всех своих жизненных обстоятельствах, о которых мало кто догадывался, Сокурянская никогда не просила о поблажке и привилегиях, и даже болезни отступали перед ее жизненной энергией. Я иногда могу пожаловаться на свои болячки — она же никогда.

Пожалуй, я не перечислила и десятой доли тех прекрасных качеств, которые присущи Людмиле Георгиевне Сокурянской и которым следует поучиться всем нам. Она дает множество поводов уважать ее и выражать ей нашу искреннюю благодарность и уважение, причем не только в юбилейные дни. Мы благодарим ее, и давайте постараемся, чтобы она как можно дольше была с нами, и облегчим бремя ее труда. Станем лучше ей на радость и нам самим в удовольствие. С днем рождения, дорогая наша Берегиня! Спасибо тебе за все! Будь здорова и счастлива! Многая тебе лета!

*НАТАЛИЯ ЧЕРНЫШ,
доктор социологических наук, профессор кафедры социологии
Львовского национального университета имени Ивана Франко,
Заслуженный деятель науки и техники Украины,
вице-президент САУ*

Материал поступил 14.05.2019

“Мне везет с учениками, студентами, учителями” Интервью с Людмилой Сокурянской

Любой язык, как учат нас постструктуралисты, является колоссальным хранилищем разнообразных инструментов, “помнящих” гигантское количество рук, через которые эти инструменты “прошли”. Эти инструменты — слова, значения, лексемы, семантемы — изнашиваются и “стираются”, амортизируются и ломаются от интенсивного использования.

Одним из таких семантических конструкций является словосочетание типа “столп науки”, а в нашем случае — “столп факультета”. Но у нас нет других инструментов для выражения. Поэтому сегодня без таких штампов не

обойтись, и не обойтись без рефлексии о языке. Ведь мы находимся в гостях — эпистемологически, биографически, интеллектуально — у филолога по первому образованию и заведующей кафедрой социологии по призванию, а еще — доктора социологических наук, профессора, вице-президента Социологической ассоциации Украины и просто элегантно и мудрой женщины — Людмилы Георгиевны Сокурмянской, отмечающей ныне свой юбилей.

Это человек, скрывающий собственный титанический труд по поиску, воспитанию, почти материнской заботе о своих учениках словами “мне везет”. Человек, своим примером, десятилетиями работы зовущий за собой и не перестающий удивляться тому, что находятяся те, кто действительно идет за ней. Человек, сохранивший оптимизм, веру в лучшее в людях и в жизни, свежесть восприятия и, кажется, ренессансный гуманизм.

Людмила Георгиевна, начнем с тривиального и очевидного. Какие события вашей жизни, даты, социальные процессы, институты, явления и люди повлияли на Вас как на личность? Кто или что повлияло на Ваш профессиональный выбор? Почему выбор был за социологией?

Если не говорить о моих родителях, которые, конечно же, сыграли наибольшую роль в моей жизни (благодаря им я именно такая), то это три человека: учительница русского языка и литературы Светлана Андреевна Нежурина, благодаря которой я (думавшая по крайней мере до 9 класса, что буду учиться только на химическом факультете, поскольку была и победителем, и призером многих олимпиад по химии) поменяла свой выбор и поступила на филологический факультет нашего университета.

Это был 1966 год, год двух выпусков. Для нынешней молодежи расскажу: мы были первым десятым классом, который стал выпускным. До этого в школе учились 11 лет. Это был невероятный конкурс, но мне удалось поступить на филологический факультет.

Уже в процессе учебы на филологическом факультете я приобщилась к социологии: в университете уже существовала лаборатория социологических исследований, созданная в 1963-м, потом появилось отделение социологии на факультете общественных профессий, и я тоже этим заинтересовалась. Огромную роль в моей дальнейшей судьбе сыграла Валентина Илларионовна Астахова.

После окончания университета, уже работая под ее руководством, я очень тесно сотрудничала с лабораторией, и, конечно, здесь наибольшее влияние на меня оказала Елена Александровна Якуба. Вот те три женщины, которые, собственно говоря, определили и переопределили мою судьбу.

Я пришла в социологию во времена так называемого застоя. Ни в стране, ни в мире не было макрособытий, которые я могла бы обозначить как решающие для моей профессиональной биографии. Я бы скорее говорила о микроуровне, то есть на языке моей индивидуальной биографии. Возможно, здесь сыграли роль мои личные качества: я была, как когда-то меня назвала В.Астахова, “жертвой энтузиазма”, всегда была активисткой. Я была даже слишком активным человеком: секретарь комитета комсомола школы, член горкома комсомола. Стоило мне поступить в университет, как меня кооптировали в университетский комитет комсомола. Это была важная школа социальной активности: я занималась и шефской работой, в частности в Курязьской колонии, и художественной самодеятельностью. Эта моя включен-

ность в общественную работу, общение с людьми, пожалуй, определили мой выбор в пользу социологии, где умение общаться, слышать людей — одно из главных профессиональных качеств, как я считаю по сей день.

Как бы Вы описали макротраекторию биографии социологии сквозь призму микротраектории Вашей биографии? Какие сдвиги тематик, методологий, институционализаций, персонализаций Вам представляются важными?

Я бы обозначила эти сдвиги словом “тектонические”. После продолжительного забвения, после того, как социология долгие годы оставалась репрессированной наукой в СССР, первые эмпирические социологические исследования, которые начали проводить в годы оттепели, были посвящены в основном очень конкретным проблемам советского общества. На каких книгах мы тогда учились? “Рабочая книга социолога”, работы В.Ядова по вопросам методики и методологии социологических исследований, “Социология для всех” В.Шляпентоха, “Элементарные понятия социологии” Я.Щепаньского, то есть это были книжки прежде всего о том, как провести социологическое (эмпирическое) исследование. А разрабатывать какие-то теории тогда, собственно, не было и нужды, ведь теория была — исторический материализм, единственная теория, которая была всесильная потому, что верная. Если судить о развитии социологии по публикациям того времени, можно говорить о сдвиге от чисто эмпирической науки в сторону социологического теоретизирования. Хотя, возможно, некоторые коллеги со мной не согласятся в этом вопросе, и я в ответ, в контрвопросу, соглашусь с ними в том, что уровень теоретических разработок украинской социологии и сегодня оставляет желать лучшего. Но ведь такие работы появились, и это, действительно, определенный прорыв в украинской и в целом в постсоветской социологии. Этот прорыв стал возможен благодаря тем кардинальным сдвигам, которые произошли как на нашей территории (распад СССР), так и в глобальной перспективе. Трансформация постсоветских стран, их модернизация, глобализационные процессы, интернетизация и т.п. — все это нуждалось в теоретическом объяснении. Социологическая рефлексия по поводу этих процессов нашла отражение в многочисленных теоретических исследованиях российских и отечественных ученых.

Впрочем, мне кажется, что научное кредо, которого придерживалась Е.Якуба (мы считаем ее одним из основателей социологии в Украине, и не только в Украине, но и в бывшем СССР), — “социолог должен изучать реальные социальные проблемы, болевые точки общества”, — это кредо сегодня, в условиях независимой Украины, чрезвычайно актуально. Здесь можно привести множество примеров: и замечательный мониторинг Института социологии НАН Украины, и исследования САУ (проекты, направленные на изучение новых неравенств, реформ в высшей школе или в медицине и в медицинском образовании). Это действительно очень актуальные проблемы и болевые точки общества. Сейчас мы начинаем исследование по проблемам коррупции в медицинском образовании. Мы прекрасно знаем, что коррупция — это огромная проблема, едва ли не главная проблема нашего общества, искоренить которую крайне сложно. Ведь в наших социокультурных условиях многие рассматривают коррупцию как своего рода общественный договор. Изменить этот договор, изменить ментальность украин-

цев очень трудно. Но эту проблему необходимо исследовать; надеюсь, возможно наивно, на то, что это хоть как-то поможет ее решению.

Кстати, о теории и теоретических разработках украинских социологов. Мы все хорошо знаем, что книжную культуру можно воспитать только на базе мощного книжного фундамента. Так посоветуйте нашим молодым коллегам, какие книги, каких авторов Вы считаете необходимыми, обязательными, желательными для прочтения любым социологом?

Это коварный вопрос, поскольку замалчивание здесь может быть расценено как неуважение; могут возникнуть обиды из-за того, что кого-то из коллег я не упомяну. Но мне кажется, что социологи, если говорить не только об отечественной социологии (потому что я склоняюсь к мнению о том, что многие исследования на постсоветском пространстве, в том числе теоретические исследования наших коллег в других бывших республиках СССР, созвучны с тем, что делаем мы), очень важно быть знакомым с трудами корифеев социологии. Это — В.Ядов, Т.Заславская, А.Здравомыслов, И.Кон. Здесь можно долго продолжать перечень. Что же касается имен отечественных социологов, то настольными книгами будущих социологов, наших студентов и аспирантов должны быть монографии и учебники, издающиеся, например, в Институте социологии Национальной академии наук Украины. Это и работы С.Макеева, и работы Е.Головахи и Н.Паниной, и работы Е.Злобиной, и работы А.Ручки (лично мне близки его работы по трансформации ценностных ориентаций), и его же учебник по истории социологии в соавторстве с В.Танчером, и работы В.Бурлачука и еще многих других. Если за пределами ИС НАНУ, то это работы моей подруги и коллеги Н.Черныш, разработки В.Паниотто по методам и методике социологических исследований, исследования О.Балакиревой, А.Горбачика, О.Куценко, Н.Победы, И.Поповой и других украинских социологов из Харькова, Киева, Львова, Одессы, Днепра, Запорожья и других городов.

Но если мы говорим о том, как социология связана с другими науками, то здесь значимы работы философов, психологов, литераторов. Так, скажем, знакомство с взглядами Паскаля, Ларошфуко, Лабрюйера, Руссо, Вольтера, которые художественно и вместе с тем аналитически описывают обычаи своего общества и времени, важно и сегодня. По моему глубокому убеждению, с тех пор человек не слишком изменился. Изменяются инструменты постижения им действительности, его возможности исследования (прежде всего естествознания), но природа самого человека остается неизменной. Как говорил когда-то Н.Амосов, коммунизм нельзя построить не потому, что трудно построить его материальную основу (это все же можно сделать), а потому что принцип “от каждого — по способностям, каждому — по потребностям” неосуществим. Исходя из этого, научные и литературные произведения отмеченных и многих других философов и писателей прошлого и нынешних авторов действительно могут нам помочь в исследовании человеческого общества.

Конечно, нельзя не упомянуть и психологов, с которыми мы тесно сотрудничаем. Здесь, скорее всего, ключевыми остаются работы Выготского, Леонтьева, Илленкова, Петровского. Их книги были для нас настольными, особенно важными в исследовании проблем, связанных с коллективом, с социализацией личности и т.п.

Если же говорить о книгах, так сказать, за пределами социологии, то таковых очень много. И чтобы не тратить много времени, я упомяну книгу, которая в свое время произвела на меня огромное впечатление. Мне кажется, что и сейчас ее не помешало бы студентам почитать как насчет микросоциальных аспектов институциональности и практики науки, так и в плане макросоциальных эффектов и угроз. Это книга Германа Гессе “Игра в бисер”.

Возможно, времена настолько изменились, и наше мышление, связанное с галактикой Гуттенберга, потихоньку уходит в прошлое, но я замечаю, что и у меня, и у тех, кто меня окружает, остается все меньше времени на чтение и перечитывание художественной литературы. И это печальный, но объективный факт.

Кстати о Касталии Йозефа Кнехта. Это модель построения окончательно и предельно институционализированной и академизированной науки как практики и как структуры. Так вот, Вы в значительной мере были и остаетесь вовлеченной в процесс институционализации и академизации социологии в Украине. Какие цели или целевые проекты этого процесса были у Вас? Как бы Вы оценили этот процесс на данный момент? Завершен ли он? Какие аспекты этого процесса Вы считаете самыми важными? Усматриваете ли Вы здесь определенный образец в Касталии?

Ни в коем случае. Идеалом Касталия Йозефа Кнехта не является и быть не может. То была книга-предупреждение, книга-предостережение. Еще когда я увлекалась филологией, нам говорили, что не должно быть искусства ради искусства. Сейчас ситуация несколько иная, и наука ради науки, и искусство ради искусства существуют. К сожалению, такой в чем-то безответственный подход к науке и ее возможностям не всегда хорошо отражался на жизни общества (я имею в виду, к примеру, атомную энергетику и оружие).

У меня такое впечатление, что существуют авторы, которые занимаются той самой синтетической “игрой в бисер”, сочетанием эстетики музыки, точности математики, мощи литературы. Такие авторы занимаются самолюбованием: дескать, смотрите, что я знаю и умею. Но мы прекрасно понимаем, что даже на самом высоком уровне теоретизирования в социальных науках при всей как математической, так и философской абстрактности можно находить возможности практического применения концептов высочайшего теоретического уровня. Если этого нет, то это заканчивается тем, о чем мы говорили — игрой в бисер.

Вернусь к главному в Вашем вопросе. Процесс академизации и институционализации социологии в Украине не завершен. И природа, и ход, и перипетии этого процесса крайне нас волнуют. Есть, на мой взгляд, два проекта на украинских просторах: социология как наука и социология как учебная дисциплина, академический и образовательный проекты. В этом смысле у нас имеются достижения. Мы в Харьковском национальном университете имени В.Н.Каразина гордимся тем, что одними из первых в СССР открыли лабораторию, кафедру, отделение, факультет, и это был безусловный прорыв в институционализации социологии. Так вот, если говорить о вузовской науке (а образование не может существовать без науки), то социология здесь переживает кризис. Это сказывается и на нашем теоретизировании, и на качестве и количестве диссертационных работ: полагаю, тут актуализируется угроза “мелкотемья”, когда анализируются и рассматриваются не столь острые и актуальные проблемы, как следовало бы.

Еще одной угрозой для социологии является то, что социология исключена из числа обязательных дисциплин для изучения. Это серьезная проблема для самого развития социологии как науки и как академической дисциплины, однако этим угрозы не исчерпываются. Все гораздо хуже: мы теряем возможности развития социологического мышления у населения нашей страны. Общесоциологическое образование, по моему мнению, очень важно для современного специалиста (да и не только специалиста). Учитывая это, азы социологических знаний нужно подавать еще на уровне школы.

Процесс институционализации и академизации социологии не просто не завершен, он находится в очередной “точке бифуркации”, к которой его привели объективные обстоятельства существования социологии в Украине, начиная с далеко не высоких конкурсов на социологические факультеты и заканчивая восприятием со стороны населения Украины и властных органов социологии и ее возможностей.

Да, это угроза. И думаю, что Социологическая ассоциация Украины может стать инструментом если не элиминации этой угрозы, то по крайней мере ее демпфирования. Мы все Вас знаем как человека, на котором держится значительная часть организационной и коммуникационной работы САУ. Но это же колоссальная дополнительная волонтерская и весьма объемная работа. Что для Вас означает деятельность в САУ? Какие ее аспекты для Вас самые важные? Чем объясняется такое Ваше внимание к этой работе, ведь мы знаем, что Вы один из локомотивов деятельности САУ?

Я приобщилась к деятельности Ассоциации давно, еще в 1970-е годы, когда во главе харьковского отделения САУ стояла Е.Якуба. В 2000 году, если не ошибаюсь, я стала членом Правления САУ, а уже с 2007 года, когда штаб Ассоциации переехал в Харьков, и по нынешний день я имею честь быть вице-президентом Ассоциации.

С моей точки зрения, главное в той деятельности, которую осуществляет Ассоциация — это объединение социологов. И если дюркгеймианской главной задачей общества является консолидация и солидаризация, то и социологи, их *Gemeinschaft*, здесь не исключение. Как мне представляется, в этом смысле мы достигли успеха: у нас на факультете известно выражение (с легкой руки одной из наших студенток, Ольги Болотских), что наш факультет — это некая *Sociofamily*. И мне кажется, что благодаря деятельности Ассоциации возникла *Big Sociofamily*, прежде всего благодаря интенсификации общения. Именно для этого мы проводим множество конференций (и региональных, и общенациональных) в таких центрах, как Киев, Харьков, Одесса, Львов, Черкассы, где мы все собираемся. С другой стороны, прежде всего в тех регионах, где социология не получила большого развития, мы проводим Школы молодого социолога. Если мне не изменяет память, то мы уже провели 12 таких школ, и надеемся, что благодаря этому в регионах, у власти и в университетах меняется отношение к социологии и социологам.

И это очень важно для Украины, где, хоть я и не могу сказать, что мне нравится название монографии киевских коллег, существует “общество без доверия”. Думаю, между членами Ассоциации складываются отношения доверия. Факт завязывания и воспроизводства личных отношений, общей деятельности и исследований характеризует нашу работу как полезную для каждого из нас и Ассоциации в целом. Мы стали ближе друг к другу, мы доверяем друг

другу. Это отнюдь не означает, что мы не спорим; это не означает, что мы не обсуждаем происходящее за рамками социологии или в социологии, результаты или ход тех или иных исследований. Но заметьте, что сейчас нашим коллегам, которые проводили электоральные исследования (в частности экзитполлы), удалось получить валидные результаты, которые не расходились ни между собой, ни с официальными результатами. И это — достижение нашей социологии, нашей Ассоциации. Для этого мы и ведем работу по информированию: мы, например, вывешиваем результаты исследований на сайте САУ, поддерживаем обсуждение этих результатов и т.п.

То есть Вы уверены, что социологию нужно создавать прежде всего как общность людей? Насколько, по Вашему мнению, это важно? В какой мере Вы видите социологию как сумму коллективов? Школ? Как единый цех или корпорацию?

Здесь, конечно, установить границы трудно. Но пройденный путь свидетельствует о том, что есть (хотя это тот случай, когда мы спорим с нашими коллегами) социологические школы. В частности, недавно успешно и содержательно прошла конференция, посвященная Е.Якубе — основательнице Харьковской социологической школы. Так вот, ее научные и морально-этические традиции уже на уровне четвертого поколения социологов, по нашим наблюдениям, творчески и оригинально развиваются. Это доказывает, что существует реальная социологическая школа. И именно такую модель социологического научного сотрудничества мы считаем наилучшей, именно так социология должна развиваться.

Если говорить о контррадикторной возможности, то, конечно, индивидуальный поиск ведется, но он осуществляется в рамках либо определенной школы, либо в рамках некой теоретико-методологической заданности, концептуальной заданности. В харьковском случае это теория социальной активности, что, полагаю, не означает, что она остается на том же уровне и в тех же координатах, которые были разработаны Е.Якубой.

Мою идею о приоритетности научной школы подкрепляет и тот уже научно-исторический факт, что если долгое время научное знание было продуктом индивидуального творчества, то в современном мире новое знание является продуктом коллективного творчества.

Социология ныне оказывается перед вызовами эры глобализации и ее требований, в частности требований открытости и коммуникации. Насколько, по Вашему мнению, важно входить в международные структуры и сообщества? Почему? Каковы возможные пределы этого процесса или он безграничен?

Что касается международного сотрудничества, то это чрезвычайно важно. И это один из пробелов деятельности ассоциации и моей лично. Например, мы уже несколько лет являемся членами Европейской социологической ассоциации лишь на индивидуальном уровне. С другой стороны, мы активно сотрудничаем с Международной социологической ассоциацией (ISA), а с Европейской сейчас не имеем отношений на уровне ассоциаций. Надеюсь, что эту проблему мы тоже решим. Там все связано с финансами. Отмечу, что членство в Международной ассоциации позволяет нам улаживать некоторые финансовые вопросы: например, на проведение IV Конгресса САУ в 2021 году мы получили финансовую поддержку ISA.

Но ведь такая взаимосвязанность конституирует и новые проблемы, например проблему взаимозависимости. И здесь оказывается, что наша деятельность зависит даже от незнакомых нам социологов, которые создают сам образ социолога в обществе. В частности — от их ошибок или злоупотреблений, непрофессиональности или недобросовестности. Считаете ли Вы, что профессиональные круги социологов должны иметь право санкций в отношении своих членов? Какими эти санкции могут быть? Какие случаи применения этих санкций уместны, по Вашему мнению?

Речь идет не просто о моем мнении: это записано в Уставе САУ. Это уставная норма САУ. У нас есть Комитет по этике САУ, и в тех случаях, когда действительно нарушаются нормы, связанные с проведением исследований, этот комитет принимает решение. Но, как правило, это возникает в контексте электоральных исследований, в условиях предвыборных кампаний, когда появляются “центры-однодневки”. В таких условиях Ассоциации приходится решать вопрос информирования общественности и журналистов, что есть, дескать, такие “филькины центры” и что их результаты нельзя принимать во внимание. Именно для этого у нас на сайте опубликован список аккредитованных при САУ центров. Когда к нам обращаются журналисты, отсылаем их к этому списку.

Часто мы — опять-таки прежде всего Комиссия по этике — предъявляем вывод (и это обязательно, это одно из требований, например, заказчиков, в первую очередь международных грантодателей) касательно соблюдения этических норм в инструментарии, предъявленном нам для экспертизы. Но наши средства влияния ограничены. Если это член сообщества, то санкции могут быть вплоть до исключения из членов САУ, и пока что у нас такого не случалось. Но ведь, как правило, мы в качестве экспертов работаем с теми организациями, которые не являются членами САУ. И здесь наши санкции сводятся сугубо к отказу дать положительную оценку представленному инструментарию.

Попробуем перейти к более положительным темам. Здесь нам помогут те вопросы, которые решили задать Ваши воспитанники: студенты, аспиранты. Например, вот вопрос от Вашей нынешней дипломницы Дарьи Лисовенко. На социологическом факультете одна из множества легенд, связанных с Вами, — это легенда о “Gaudeamus”. Что Вы в этом усматриваете?

Студент, который не знает “Gaudeamus”, — это не совсем и не во всем студент. Я поняла это, когда училась на филологическом факультете и, в частности, изучая латынь, когда и учили “Gaudeamus”.

Когда я начинаю работать со студентами на первом курсе, я всегда им говорю, что их статус — весьма значимый — предполагает, что студент становится гражданином великого студенческого сообщества. И любой студент должен быть символически “вооружен”, в частности, он должен знать гимн. По этой мелодии люди, получившие высшее образование, идентифицируют себя.

Вопрос от Вашей ученицы, с которой Вы защищали диссертации в один день, с разницей в несколько часов. Вера Игоревна Кутырева интересуется следующим фактом, о котором Вы уже неоднократно говорили в нашей беседе. Вы известны как человек, который очень внимательно относится к со-

бственной академической идентичности, к своему учителю Е.Якубе. Что значит для Вас отношения учителя и ученика, эти конкретные или вообще?

Я не могу сказать, что стыжусь, но когда я упоминаю о своих бывших студентах, аспирантах, докторантах, я не употребляю слово “ученик”. Это слово семантически и дискурсивно предполагает фигуру “Учитель”. Слово же “Учитель” слишком сильное и высокое, которым я себя не могу самостоятельно обозначить.

Если же говорить о том, что, с одной стороны, есть личность и статус преподавателя, а также есть статусный набор моих студентов и аспирантов, то я говорю очень часто и повторяю сейчас, что мне повезло со студентами, аспирантами, докторантами.

Прежде всего потому, что они все знают, что должно быть главным в отношении учителя и ученика. Это призыв: “Учитель, не навреди!” Я искренне считаю, что никоим образом нельзя навязывать свои идеи. Так было с Еленой Александровной Якубой: она никогда не навязывала свои идеи. Когда она прочитала мою кандидатскую диссертацию, она ни разу не потребовала переделать что-либо с волонтаристской позиции. Когда я писала у нее докторскую диссертацию, мы очень много говорили с ней о моей работе, но она никогда не была категоричной. Она всегда говорила: “Может, стоит сделать так, может, нужно взглянуть с этой точки зрения”.

И главное для меня (и в этом наибольшее для меня счастье и профессиональное удовлетворение) связано с известной фразой “Учитель, воспитай ученика, чтобы было потом у кого учиться”. И я это не считаю неправильным.

Да, эти слова Вы действительно часто цитируете. Но чему именно Вы научились у Ваших учеников, если не секрет?

Дело, разумеется, не в том, что происходит трансфер конкретных знаний и техник, хотя и это я тоже пытаюсь делать. Я часто консультируюсь у собственных учеников, спрашиваю у них подсказки, обращаюсь за советом. Но я счастлива от того, что мне передалось от Елены Александровны доброжелательное и, надеюсь, уважительное отношение к своим коллегам и студентам. Елена Александровна была воплощенной невозможностью обидеть или унижить их.

Что мне очень нравится — я сейчас вижу, что у моих учеников это есть. Я учусь у них деликатности, мне нравится, что у них это есть. Мне нравится, что у нас на кафедре и на факультете имеется этот фундамент, заложенный не только в плане научном, академическом, преподавательском, но и в моральном.

Мы учимся у студентов не меньше, чем они у нас. Ведь войти в новую эру, в которую мы потихоньку (а порой и очень стремительно) входим, без помощи учеников было бы крайне трудно. И многим их качествам (мобильности, скорости) я учусь у них. И здесь главное, что нам везет с учениками.

А с другой стороны, я думаю, что это, возможно, не везение, а то, что называется селекцией. Я иногда задумываюсь, почему коллеги, когда я планирую очередную поездку, семинар, “круглый стол”, конференцию, конгресс, почему они не возражают, почему они готовы работать, делать то, что не входит в их непосредственные обязанности, готовят те или иные мероприятия, нередко за счет личного времени. Иногда меня за подобные вещи ругают

дома, но я же никогда никого не заставляю, и Вы (обращаясь к интервьюеру) не дадите мне соврать. Как говорят коллеги, это нужно для кафедры и факультета. Эта самоотверженность (в смысле самоотречения человека от того, что можно было бы сделать для себя вместо того, чтобы делать для кафедры, факультета, университета) меня поражает. Я горжусь своими коллегами и люблю их. Пожалуй, мы одинаково удачливы. Люди с другим характером просто у нас не приживаются.

Продолжит эту тему еще одна Ваша ученица Любовь Дикань. Что бы Вы сказали Вашим коллегам, которые воспитывают учеников, и своим ученикам в связи с этим?

В этом измерении сложно давать советы. Гегелевская конкретность случая, руководителя, ученика, их отношений здесь ключевая. Но, пожалуй, универсальным моментом в любой конкретности является то, что в этих отношениях нельзя выстраивать субъект-объектные, иерархические структуры. Эти отношения должны быть субъект-субъектными.

Да, эти слова несколько девальвированы господствующим ныне в системе образования дискурсом, но мы их реализуем на практике, и уже очень давно. Это касается и наших отношений со студентами, и отношений с аспирантами.

И студент, и аспирант должен ощущать себя личностью, должен видеть, что ты воспринимаешь его как равную тебе личность. И тогда, как мне представляется, общение будет плодотворным. Здесь выиграют оба субъекта.

Продолжим тему Ваших учеников таким аспектом, как неожиданность и оригинальность. Скажите, пожалуйста, какие интересные (не наиболее квалифицированные или “правильные” и не самые глубокие социологически, а именно интересные) работы Ваших студентов Вы можете вспомнить? Почему бы Вы их так охарактеризовали?

Уж и не знаю, как к этому отнесется автор данной работы, но я все же вспомню, как довольно давно нынешняя исполняющая обязанности заведующей кафедрой политической социологии Татьяна Николаевна Дубликаш написала интересную и очень дерзкую по тем временам работу, где она поднимала вопрос о необходимости легализации проституции и отвечала на него положительно. Эта работа вызвала тогда бурную дискуссию со стороны наших коллег, но Татьяна Николаевна мужественно защищала свою работу и защитила ее.

Как специалисту по социологии молодежи и ее субкультурным характеристикам мне казались интересными и очень импонировали работы Оли Якубы. Ее диссертация осталась незащищенной, хотя давно уже лежит у меня и практически готова к защите.

Еще одной работой в аналогичной сфере является работа Павла Артемова о субкультуре футбольных хулиганов. Интересной была работа Веры Кутыревой по проблемам политико-идеологических идентичностей и предпочтений украинского студенчества — пожалуй, одна из первых работ по данному вопросу. Если говорить о сегодняшних студентах, то это работа уже упоминавшейся Даши Лисовенко — победительницы олимпиад и конкурсов студенческих научных работ, которая исследует мемы в практиках молодежного юмора.

Интересно, что Вы вспомнили прежде всего студентов, которые пришли на факультет в конце 1990-х и в начале 2000-х годов. Не означает ли это, что известный стереотип о падении качества абитуриентов подтверждается? Как бы Вы охарактеризовали процессы и тенденции в контексте подготовки абитуриентов? Можете ли Вы подтвердить или опровергнуть представления о слабой подготовке будущих студентов в школе?

Качество школьной подготовки, которое часто характеризуют как “самый низкий уровень” и “очень слабые студенты”, — это стереотипы, далеко не всегда оправданные. По моим наблюдениям, количество “звездочек”, то есть самых сильных студентов, практически не изменилось. “Звезд” как было, так и остается немного. А вот что касается среднего уровня знаний, стартового уровня знаний, с которым к нам приходят абитуриенты, он меня, мягко говоря, удручает.

И это не вина самих абитуриентов. Мы боролись с коррупцией в высшей школе, во всяком случае, провозглашали это, когда вводили ВНО. Но я боюсь, что вместе с пеной мы выплеснули и ребенка. Школьники штудируют лишь те дисциплины, по которым они сдают ВНО. Их знания по другим наукам до отчаяния бедны.

Например, спрашиваешь у человека — будущего специалиста с высшим образованием — пусть это будет социолог, но все же человек с полным средним образованием, — спрашиваешь, что такое закон Ома. И что? Они об этом крайне редко имеют представление.

Естественно, очень многое зависит от стартового уровня знаний. Но не смотря на это, приходя в высшую школу, студент должен понимать, что он пришел учиться, то есть учить-ся, “учить себя”. И если он не сможет воспринять эти знания, не научится систематически их пополнять самостоятельно (ведь мы можем лишь научить учиться!), то мы ничего не сделаем.

К сожалению, наши исследования показывают (и эта тенденция давно проявилась), что в заведения высшего образования приходят прежде всего за получением диплома, все равно какого, все равно, по какой специальности. Ситуация, когда можно подавать документы на несколько специальностей (и 5, и 10, и 15), свидетельствует о том, что у человека не сформирована профессиональная ориентация. Какой специалист может выйти из такого студента? Более того, он попадает на бюджет, государство платит деньги, а в результате мы получаем нулевого специалиста.

Здесь очень большие проблемы, они начинаются в средней школе, а те бесконечные реформы образования, которые мы переживаем уже четверть века, не позволяют сосредоточиться на главном. Мы постоянно меняем, причем меняем не содержание, а форму, не суть, а оформление. Модуль или раздел — действительно ли это так важно? Это раздражает, это мешает, как и огромное количество бумаг, которые нам постоянно приходится заполнять и перезаполнять. Это отвлекает от главного — студентов и исследований.

Мы с Вами начали с тривиальностей, и позвольте закончить тривиальностями. Насколько за последние 40 лет изменилась ситуация — то есть насколько хорошо мы теперь понимаем собственный объект исследования? Правда ли, что мы как социологи “страшно далеки от народа”? Считаете ли Вы это проблемой? Уверены ли Вы, что это можно исправить?

Это действительно проблема, и странно было бы не согласиться с этим. Прочитав своего мужа, который часто говорит, что социологи находятся в своей нише, что они не погружены в ту жизнь, которую должны изучать, что они варятся в собственном соку. Мой муж часто мне шутливо советует: “Иди на Благовещенский базар, там ты и увидишь своих респондентов”. Это, безусловно, гипербола, но мы плохо знаем то общество, в котором en masse нам приходится жить.

Более того, если говорить о контингенте студентов, то здесь ситуация еще более драматичная. Ведь каждый год приходит абсолютно новая, неизученная когорта. И если раньше эти изменения были очень медленными, студенты менялись постепенно, абитуриенты, их уровень подготовки, их социальные характеристики и моральные качества, их компетенции и квалификации существенно не различались, то сегодня, в связи с той же компьютеризацией и информатизацией, мы всякий раз, встречаясь с первокурсниками, произносим все те же слова “здравствуй, племя, младое, незнакомое”.

Но это и интересно. Благодаря этому ты постоянно узнаешь новое. И именно это незнакомое становится знакомым, а “невозможное возможным”.

Что бы Вы пожелали себе и нам на ближайшие годы? Себе и нам как социологам, как людям, как коллегам, как друзьям?

Прежде всего, конечно же, здоровья, здоровья и еще раз здоровья! Мира и согласия в стране, в наших семьях и в нашей великой Sociofamily. Интересных исследований (желательно, оплачиваемых), хороших студентов и аспирантов, увлекательных путешествий по Украине и миру и всяческих благ!

Интервью провели

*АЛЕКСАНДР ГОЛИКОВ,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии социологического факультета
ХНУ им. В.Н.Каразина*

*ЕЛЕНА МУРАДЯН,
кандидат социологических наук,
доцент, декан социологического факультета
ХНУ им. В.Н.Каразина*

Материал поступил 15.05.2019